

**ДИАЛОГ А. П. ЧЕХОВА С А. С. ПУШКИНЫМ:
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

*Посвящается светлой памяти
профессора Михаила Давидовича Амирханяна*

О. В. СПАЧИЛЬ
spachil.olga0@gmail.com

В. В. КАТЕРМИНА
katermina_v@mail.ru

**Кубанский государственный университет,
Краснодар, РФ**

Статья исследует интертекстуальный диалог А.П. Чехова с А.С. Пушкиным, акцентируя роль пушкинских цитат, реминисценций и мотивов в чеховских произведениях. На материале рассказов «Чёрный монах», «Дуэль» и «Огни» раскрывается, как А.П. Чехов трансформирует пушкинские образы, углубляя психологизм и философскую проблематику. Особое внимание уделяется функциям интертекста: от иронии до смыслопорождения. Доказывается, что пушкинские аллюзии расширяют семантику чеховских текстов, связывая их с традициями русской классики. Работа вносит вклад в изучение преемственности в литературе XIX века.

Ключевые слова: *интертекстуальность, А.С. Пушкин, А.П. Чехов, рассказ «Черный монах», повесть «Дуэль», повесть «Огни».*

ВВЕДЕНИЕ

В научном исследовании художественного «диалога» А.П. Чехова с А.С. Пушкиным уже сформировались определённые методы анализа взаимодействия двух знаковых фигур золотой цепи русской литературы – от изучения прямых отсылок до сравнительного анализа их поэтики, но ряд вопросов остаётся малоисследованным. В частности, недостаточно внимания уделяется тому, как именно чеховские произведения воспринимают и трансформируют пушкинские мотивы, а также какую роль играет пушкинская образность в отдельных текстах А.П. Чехова. Углублённое изучение этих аспектов представляется необходимым и актуальным.

В данной работе диалог двух писателей будет рассматриваться нами на уровне цитат – пушкинские цитаты в чеховских произведениях являются одним из средств выражения интертекстуальных связей, выполняя «важнейшую конструктивную роль: за ними открывается глубокое освоение А.П. Чеховым сюжетно-тематической структуры, идеи и – шире – художественной философии А.С. Пушкина. Цитирование стихотворных строк из произведений А.С. Пушкина может создавать параллель к основному сюжету, иногда использование фрагментов из пушкинской поэзии служит для формирования эмоционального фона, а также представляет ироническую игру с пушкинскими цитатами» [18: С. 7].

Изучение художественного текста в последнее время все чаще проводится в рамках теории интертекстуальности. Этой проблемой занимаются все разделы филологии, как лингвистического, так и литературоведческого циклов. Такая широта и многоаспектность данного понятия объясняются, прежде всего, тем, что «интертекстуальность является одной из важнейших стратегий текстопостроения в современной литературе. Кроме того, интертекстуальность – чрезвычайно многогранное явление, исследование которого невозможно в рамках отдельной науки. В первую очередь, интертекстуальность является объектом исследования литературоведения и лингвистики» [3].

Интертекстуальность сегодня — одна из важнейших категорий гуманитарных наук. Как отмечает М.В. Терских [24: С. 70], это «одна

из самых актуальных и востребованных областей гуманитарного знания», особенно в условиях современного информационного пространства, которое напоминает мозаику или центон, состоящий из цитат. Интертекстуальность отражает принципы современного мышления, где текст воспринимается как динамичная система с множественностью смыслов.

К исследованию интертекстуальности **как универсальной категории художественного текста** обращались как зарубежные (Ж. Деррида, М. Риффатер, Ж. Женетт, Х. Блум, Н. Пьегре Гро и др.), так и отечественные исследователи (Ю.С. Степанов, И.П. Смирнов, И.П. Ильин, Г.К. Косиков, А.К. Жолковский, Р.Д. Тименчик, С.Т. Золян, Б.С. Ямпольский, И.В. Арнольд, Н.А. Фатеева, Н.А. Кузьмина, Г.В. Денисов и др.).

По словам И.В. Арнольд, интертекстуальностью – это «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [2: С. 351]. Н.А. Фатеева считает, что «благодаря интертексту данный текст вводится в более широкий культурно-литературный контекст. Межтекстовые связи создают вертикальный контекст произведения, в связи с чем он приобретает неоднородность смысла» [24: С. 37]. Интертекстуальными включениями в текст авторского произведения становятся «цитаты разного рода (атрибутированные и неатрибутированные, точные и неточные); обращение к тексту-предшественнику может быть как графически выделенным, закавыченным, так и неявным, функционирующим в виде реминисценции» [7: С. 74]. Следует учитывать и прагматический аспект интертекстуальности. Как подчёркивает Н.А. Фатеева [24: С. 39], «функции интертекста в каждом тексте определяются исключительно через “я” его автора, поскольку введение интертекстуального отношения – это прежде всего попытка метатекстового переосмысления претекста с целью извлечения нового смысла из “своего” текста». Таким образом, интертекст выступает не просто как заимствование, а как сознательная стратегия автора, направленная на смыслопорождение через диалог с предшественными текстами.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕХОВСКОЙ ПУШКИНИАНЫ

А.С. Пушкин по праву отмечен как наиболее цитируемый А. П. Чеховым писатель [8; 13; 15; 20]. Наиболее всеобъемлющая общая черта, характерная для творчества и А.С. Пушкина, и А.П. Чехова – это искусство стилизации, т. е. их умение воспроизводить в различных формах стиль чужого слова: «Одним из провозвестников для писателей XX века в искусстве стилизации был Чехов. Пушкин и Чехов – два берега “литературной реки” XIX века. Глубинно они сходны своей стилевой методологией, видением действительности в двойном ракурсе: не только непосредственно, но и опосредованно, через “литературно-стилистические призмы”, с помощью которых создаются их неповторимые художественные миры» [14: С. 8].

«Чёрный монах» (1894). Высокой является узнаваемость реминисценций, представленных собственными именами, в том числе именами известных литературных персонажей. Присутствие А.С. Пушкина в рассказе «Чёрный монах» подчеркивает имя дочери владельца сада Тани. Это имя в других терминах можно назвать интекст-цитатным [3: С. 12], благодаря имени осуществляется взаимодействие с пушкинским романом в стихах. «Татьяна» – это не просто имя, а семиотически нагруженный символ, аккумулирующий целый пласт культурных смыслов и функционирует как культурный код, узнаваемый в русской литературе.

В самом начале первой главы, когда утомленный, с расстроенными нервами магистр Андрей Васильич Коврин еще только предчувствует возможность романа с Таней Песоцкой, и эта мысль его умиляет и смешит, «он нагнулся к милому, озабоченному лицу и запел тихо: “Онегин, я скрывать не стану, / Безумно я люблю Татьяну...”» [С VIII, 230].

Эта строка из арии Гремина в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин» подчеркивает прецедентность имени дочери владельца сада Тани. Это имя теперь связывается в тексте с именем пушкинской героини. Образ Татьяны Лариной соотносится с образом Тани Песоцкой не только благодаря русскому имени римского происхождения,

но и благодаря некой опосредованной связи с черным монахом. Строки, описывающие суеверные страхи Татьяны Лариной, содержат несколько примет, пугавших героиню. «Когда случилось где-нибудь / Ей встретить черного монаха / Иль быстрый заяц меж полей / Перебегал дорогу ей, / Не зная, что начать со страха, / Предчувствий горестных полна, / Ждала несчастья уж она» [Пушкин 1964, 101–102].

Известно суеверное отношение и самого А.С. Пушкина к людям в священническом облачении, переходящим дорогу. Это предубеждение-примета также зафиксирована в пословицах русского народа, собранных В. И. Далем: «Встретил попа – не хорош выход. Поп, монах дорогу перешел» [6: С. 309].

Объяснить предубеждение людей против словосочетания «черный монах» и страхи, связанные с появлением такой фигуры, возможно, рассмотрев своеобразие данной семантической ситуации. Нстойчивое присутствие прилагательного «черный» в словосочетании «черный монах» призвано подчеркнуть в коннотативном значении слова семы «страшный», «угрожающий», «зловещий», «скрывающий ужасную тайну» и т. п. Таким образом, наличие определенных предубеждений в народной среде против черных монахов выглядит вполне оправданным. В русской народной традиции, как и в традициях многих европейских и азиатских народов, черный цвет ассоциируется с «темными силами, смертью и загробным миром» [30: С. 47; 11]. И хотя это представление о черном цвете менялось на протяжении обозримой истории человечества [19], тем не менее негативные коннотации остаются доминантными вплоть до середины XX в.

В русской литературе, в особенности в произведениях А.С. Пушкина, которыми зачитывался писатель [4], мы находим образы монахов-соблазнительей, что не могло пройти мимо внимания Антона Павловича. Готовя трагедию «Борис Годунов» к печати, А.С. Пушкин исключил две сцены («Ограда монастырская» и «Уборная Марины»), Сцена «Ограда монастырская» давала образ какого-то «злого чернеца», по совету которого Григорий и принимает на себя имя убитого царевича. «Упоминание о “злом чернеце” Пушкин нашел у Карамзина <...> Из этого сообщения, по-видимому, и возник

замысел. Резко отличная от всех других по стиховому размеру, эта сцена в корне противоречила и всей социально-исторической концепции пушкинской трагедии» [5: 157–160]. Несомненной точкой схождения между двумя писателями является перекличка «между черным человеком пушкинского Моцарта и черным монахом чеховского героя» [Катаев 1998: 5]. «Человек, одетый в черном», неотступно преследует Моцарта («Моцарт и Сальери»): «Мне день и ночь покоя не дает / Мой черный человек. За мною всюду / Как тень он гонится. Вот и теперь / Мне кажется, он с нами сам-третей / Сидит» [Пушкин 1964: 365]. Сходным образом по мере развития сюжета рассказа, черный монах издалека постепенно вплотную приближается к Коврину и оказывается посреди комнаты, в которой умирает магистр.

Вернемся к пушкинским цитатам в рассказе «Черный монах». Следующая цитата взята из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (1828). Озабоченный судьбой своего детища, своего прекрасного сада, Егор Семеныч Песоцкий с горьким чувством делится с магистром Ковриным своими переживаниями: «У Песоцкого, говорят, яблоки с голову, и Песоцкий, говорят, садом себе состояние нажил. Одним словом, богат и славен Кочубей» (С VIII, 236). Последующая судьба Егора Семеныча является столь же трагичной, как и судьба пушкинского персонажа, который прошел путь от состоятельного и знатного землевладельца к мученической кончине. Сравнение отца Тани с Кочубеем в контексте всего рассказа воспринимается как предвосхищение трагичной судьбы Егора Семеныча Песоцкого: дочь и ее избранник знали друг друга с детства, а после брака муж дочери, пусть и невольно, становится причиной смерти отца / тестя и гибели сада. Напомним, что герой пушкинской поэмы своим прототипом имел реальное историческое лицо – Василия Леонтьевича Кочубея (ок. 1640–1708), украинского государственного и военного деятеля. Судьба В.Л. Кочубея положена в основу одноименного образа Кочубея в «Полтаве», его жизнь заканчивается пытками, после которых он был обезглавлен зятем по приказу Петра I. Беда в семью Кочубея, как и в дом Песоцкого, пришла через дочь Матрену (Марию у Пушкина) [12: С. 465–466].

Сходным образом интерпретирует цитату из «Полтавы» Е.А. Яблоков, обращая внимание на «актуальный как в пушкинской поэме, так и в чеховском рассказе мотив “похищения” дочери, сопряженный с темой предательства» [31: С. 14]. Сожительство Мазепы и Марии представлено в «Полтаве» как кровосмесительное: крестный отец не может по православным канонам вступить в брак с крестницей. Аналогичным образом «отношения между Ковриным и Таней, заложенные с детства, закономерно носят братско-сестринский характер – поэтому брак между ними в самом деле не лишен “инцестуозного” элемента [31: С. 14].

Пушкинские мотивы рассказа «Черный монах» выходят за пределы рассмотренных цитат. К мотивам следует отнести мотив сумасшествия, присутствующий в «Пиковой даме», явление Германну призрака покойной графини, которое является результатом его психического состояния. Аналогично Черному монаху («Я существую в твоём воображении» (С VIII, 241))¹ призрак графини – продукт воображения Германа, его расстроенных нервов, отражение его внутренних конфликтов и страхов. Сходен и трагичный финал обоих героев, доверившихся своим галлюцинациям.

«Дуэль» (1891). Особым случаем интертекста становится заглавие, являющееся цитатой или реминисценцией. Если «заглавие содержит в себе программу литературного произведения и ключ к его пониманию» [24: С. 138], то заглавие-цитата задействует и смыслы прецедентного текста, заставляя читателя искать параллели и точки совпадения двух произведений и их авторов.

Название повести «Дуэль» само по себе отсылает к «Выстрелу» А.С. Пушкина. Тема дуэли, вопросы чести, мотивы ревности и соперничества перекликаются с пушкинской повестью. Сильвио помешали осуществить задуманное. Вбежавшая жена графа сыграла ту же «партию», что и Савельич. Л. Карасев отмечает, что приход графини «скорее не помешал, а помог Сильвио поступить именно

¹ Произведения А.П. Чехова цитируются по Полному собранию сочинений и писем в 30 т. М., 1974–1983. В тексте статьи в круглых скобках указаны С – сочинения, П – письма, римской цифрой – том, арабской – страница.

так, как он поступил. Это была та минута, когда Сильвио получил шанс по-новому оценить ситуацию» жажда мести перегорела, изжила себя» [9: С. 267]. Выстрел фон Корена исполнен зеркально по отношению к выстрелу Сильвио: вроде бы не собираясь стрелять в Лаевского (перед дуэлью он говорит Самойленку уклончиво: «а я, должно быть, и совсем стрелять не буду»), он, как и Сильвио, как будто передумывает в последний момент, но передумывает в противоположную сторону, то есть в сторону убийства.

А.Г. Головачева отмечает «Дуэль» как одну из наиболее литературных чеховских повестей, наполненную «книжными аллюзиями разного рода, и явными цитатами, и скрытыми реминисценциями» [4: С. 36]. К XVII главе повести взят эпиграф из пушкинского «Воспоминания»: «Строки пушкинской элегии – очевидный авторский комментарий к тому нравственному перелому, который происходит с Лаевским» [4: С. 37]. В прошлом студент филологического факультета, Иван Андреич Лаевский мнит себя духовным преемником пушкинского персонажа и частенько принимается нести «длинную галиматью об Онегине» (С VII, 370).

Еще один персонаж повести зоолог фон Корен внешне очень напоминает самого А.С. Пушкина: он становится перед зеркалом и рассматривает «свое смуглое лицо, большой лоб и черные, курчавые, как у негра волосы, и свою рубаху из тусклого ситца с крупными цветами» (С VII, 367). Усиливает сходство фон Корена с поэтом еще и его интерес к пистолету в дорогой оправе, из которого он целится в портрет князя Воронцова. Тщательное исследование А.Г. Головачевой аргументированно доказывает, что пласт пушкинских аллюзий и намеков порождает новые связи и новые смыслы. Использование интертекстуальных элементов позволяло писателю осуществлять интеграцию актуального нравственно-культурного опыта современности в диахроническую перспективу исторического развития и универсальные экзистенциальные категории.

«Огни» (1888). «Имя Пушкина, строки и образы из его произведений появляется в первых же произведениях Чехова. Персонажи его ранних рассказов упоминают Пушкина, цитируют его, ссылаются на великого поэта, клянутся им, божатся его именем» [15: С. 58]. С

годами эта ситуация в поэтике А.П. Чехова не меняется. В качестве яркого примера подобного цитирования можно назвать повесть А.П. Чехова «Огни». Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833), нацарапанная каким-то местным мечтателем Кроссом (С VII, 113), вводит тему маленького человека, его хрупкости перед лицом стихии и грандиозных замыслов деспота. Далее читаем у Чехова: «Кросс, вероятно, очень маленький и незначительный человечек, так сильно почувствовал свое ничтожество, что дал волю перочинному ножу и изобразил свое имя глубокими, вершковыми буквами» (С VII, 114). К этому же смысловому полю «маленького человека» тяготеет и образ инженера Ананьева. Оставшись один на один с грандиозным морским ландшафтом, «поддавшись атмосфере “укромного уголка”, он расписывается на одной из колонн беседки и тем самым “машинально” причисляет себя к категории “маленьких, незначительных” людей» [17: С. 34].

Величественная строка «На берегу пустынных волн стоял он дум великих полн», открывающая вступление к поэме, звучит одновременно как тема освоения природы, подчинения хаоса человеку: рождение Петербурга, рождение железной дороги. Но стихия не подчиняется человеческой воле: губительным наводнением, или подавляющим человека простором, демонстрирует свое могущество.

Ананьев в своем рассказе о неблагоприятном поступке с Кисочкой использует еще одну пушкинскую цитату: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» (С VII, 117). Во второй песне поэмы «Руслан и Людмила» (1820) эти строки предваряют рассказ о злом карлике Черноморе, его коварстве и борьбе с богатырями. Эти строки задают тон былинного повествования, но несмотря на возвышенный тон, поэма полна иронии, и этот эпический зачин может восприниматься как игровая стилизация. В повести «Огни» студент фон Штенберг, перед которым и исповедуется, и одновременно проповедует Ананьев, не воспринимает его всерьез и слушает его «с тем снисходительным равнодушием, с каким кадеты старших классов слушают расходившегося добряка-батюку» (С VII, 117). Патетика пушкинских цитат, вкладываемых в уста «маленького человека», который предпринимает попытки осмыслить и оценить

глобальные, непостижимые для него явления действительности, а также поучать окружающих, служит художественным средством для подчеркивания тщетности и комической несостоятельности подобных претензий. Авторская интенция в отношении персонажей достигает максимальной смысловой концентрации в рефренной фразе повествователя-доктора: «Ничего не разберешь на этом свете!» (С VII, 140), – чья двукратная репликация трансформирует высказывание в иронический лейтмотив, подчеркивающий онтологическую неразрешимость антиномии между микрокосмом персонажей и макрокосмом миропорядка. Художественная антропология текста утверждает принцип субъективной познаваемости бытия: подлинное постижение реальности возможно исключительно через призму личного опыта, обретаемого ценой глубоких страданий и душевных мук, что отражает экзистенциальный характер человеческого познания.

В творчестве А.С. Пушкина и А.П. Чехова судьбы персонажей демонстрируют противоположные векторы развития: если Евгений, чьи идиллические иллюзии подвергаются беспощадному разрушению, погружается в хаос безумия, то Ананьев, пережив глубокое потрясение, отказывается от трагического мировоззрения и обретает новую, этически ориентированную систему ценностей. Однако в обоих случаях сознание героев обнаруживает свою ограниченность, поскольку оказывается неспособным интегрировать многогранные аспекты человеческого существования. «Позиция авторов, Пушкина и Чехова, предполагает сопряженность вопросов онтологии и этики, – тот высший синтез, который недоступен их героям» [17: С. 37].

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Инкорпорация пушкинских мотивов придаёт чеховскому повествованию, внешне лаконичному и лишённому стилистических украшений, свойства полифоничности и семантической многозначности. Актуализируя широкий спектр проблем – от психологии человека до экзистенциальных категорий жизни, болезни и смерти, эти интертекстуальные связи углубляют художественную динамику текстов. Многочисленные параллели между произведениями А.П. Чехова и

творчеством А.С. Пушкина, выявляют устойчивую преемственность образов и тем. Это даёт основания рассматривать эволюцию русской литературы как целостный процесс, что подтверждается известной оценкой Л.Н. Толстого: «Чехов – это Пушкин в прозе» [16: С. 579].

Творчество А.П. Чехова занимает особое место в литературном процессе, что во многом обусловлено его интертекстуальными связями с произведениями его современников и предшественников. За последние тридцать лет в научный оборот введены сборники статей и монографии, посвящённые его диалогу с французской литературой [30], а также творчеством А.С. Пушкина [29], Ф.М. Достоевского [10; 27], И.С. Тургенева [1], У. Шекспира [28]. «Однако, – как отмечает И.Н. Сухих, – представление о тотальной изученности Чехова – иллюзия» [22: С. 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. А.П. Чехов и И.С. Тургенев: Сборник статей по материалам Международной научной конференции Шестые Скафтымовские чтения: к 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева (Москва, 8–10 ноября 2018 года). М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2020. 424 с.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 448 с.
3. Гаврикова Ю.С. Интертекстуальность англоязычных антиутопий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 20 с.
4. Головачёва А.Г. Антон Чехов, писатель и читатель. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2023. 344 с.
5. Городецкий Б.П. Драматургия Пушкина. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1953. 356 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: «Терра» – «Тerra», 1995. 556 с.
7. Жданова А.В. Особенности проявления интертекстуальности в публицистическом тексте // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Том 157, кн. 4, 2015. С. 72–85.

8. *Иванова Н.Ф.* К поэтике чеховской прозы (Три романа на стихи А.С. Пушкина) // Чеховиана: Чехов и Пушкин. Москва: Наука, 1998. С. 106–112.
9. *Карасев Л. В.* Достоевский и Чехов: неочевидные смысловые структуры. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2016. 336 с
10. *Кибальник С.А.* Чехов и русская классика: проблемы интертекста. СПб.: ИД «Петрополис», 2015. 314 с.
11. *Кондратенко А.А.* Черный и белый цвета в славянских дохристианских верованиях о божестве смерти (к постановке вопроса) // Наука и образование сегодня. 2019. №8 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chernyy-i-belyy-tsveta-v-slavvyanskih-dohristianskih-verovaniyah-o-bozhestve-smerti-k-postanovke-voprosa> (дата обращения: 16.01.2025).
12. Кочубей // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. Т. 16. СПб: Тип. Акционерн. о-ва Брокгауз – Ефрон, 1895. С. 445–446.
13. *Кошелев В.А.* Онегинский «миф» в прозе Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М.: Наука, 1998. С. 147–154.
14. *Кубасов А.В.* Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.
15. *Кузичева А.П.* Пушкинские цитаты в произведениях Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М.: Наука, 1998. С. 54–66.
16. *Лазаревский Б.А.* А. П. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1986. С. 567–582.
17. *Литовченко М.В.* Интертекстуальные аспекты повести А.П. Чехова «Огни» и «Медный всадник» А.С. Пушкина // Сибирский филологический журнал. 2007. № 2. С. 34–37.
18. *Литовченко М.В.* Пушкинская традиция в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 23 с.
19. *Пастуро М.* Черный. История цвета // Пер. с фр. Н. Кулик. М.: Новое литературное обозрение, 2017, 186 с.
20. *Петровская Н.И.* Эстетические функции пушкинской цитаты в повести А. П. Чехова «Огни» // Чеховские чтения в Таганроге: 50 лет: антология: в 2 ч. Ч. 1. Таганрог: Изд-во Таганрог. Гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2013. С. 423–425.

21. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962–1965.
22. *Сухих И.Н.* Проблемы поэтики А. Чехова. Л.: Ленинградский университет, 1987. 185 с. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/kritika/suhih-problemy-poetiki-chehova/vvedenie.htm> (дата обращения: 09.05.2025)
23. *Терских М.В.* Инструменты интертекстуальности в дискурсе социальной рекламы // Научный диалог. 2017. № 9. С. 69–80. DOI: 10.24224/2227-1295 2017-9-69-80.
24. *Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 280 с.
25. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974-1983.
26. Чехов и Достоевский. По материалам Четвертых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 3-5 октября 2016 года): сборник научных работ. Москва: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2017. 544 с.
27. Чехов и Шекспир. По материалам XXXVI-й международной научно-практической конференции «Чеховские чтения в Ялте» (Ялта, 20-24 апреля 2015 г.). М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2016. 416 с.
28. Чеховиана: Чехов и Пушкин. Москва: Наука, 1998. 332 с.
29. Чеховиана: Чехов и Франция. Москва: Наука, 1992. 280 с.
30. *Чжэн Вэньсюань.* Роль черного цвета в русской, французской и китайской мифологии и фольклоре: исторический аспект // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-chernogo-tsveta-v-russkoy-frantsuzskoy-i-kitayskoy-mifologii-i-folklore-istoricheskiy-aspekt> (дата обращения: 16.01.2025).
31. *Яблоков Е.А.* «...Засел у меня в голове этот рассказ» («Черный монах» в творчестве М. А. Булгакова) // А.П. Чехов и мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2009. С. 5–2.

REFERENCES

1. A.P. Chekhov i I.S. Turgenev: Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Shestyeye Skaftymovskiye chteniya: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya I.S. Turgeneva (Moskva, 8–10 noyabrya 2018 goda). M.: GTSTM im. A.A. Bakhrushina, 2020. 424 s.
2. *Arnol'd I.V.* Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'. M.: LIBROKOM, 2010. 448 s.
3. *Gavrikova Yu.S.* Intertekstual'nost' angloyazychnykh antiutopiy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2012. 20 s.
4. *Golovachova A.G.* Anton Chekhov, pisatel' i chitatel'. M.: GTSTM im. A.A. Bakhrushina, 2023. 344 s.
5. *Gorodetskiy B.P.* Dramaturgiya Pushkina. M.; L.: Izd. AN SSSR, 1953. 356 s.
6. *Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 3. M.: «Terra» – «Terra», 1995. 556 s.
7. *Zhdanova A.V.* Osobennosti proyavleniya intertekstual'nosti v publitsisticheskom tekste // Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. Tom 157, kn. 4, 2015. S. 72–85.
8. *Ivanova N.F.* K poetike chekhovskoy prozy (Tri romansa na stikhi A.S. Pushkina) // Chekhoviana: Chekhov i Pushkin. Moskva: Nauka, 1998. S. 106–112.
9. *Karasev L.V.* Dostoyevskiy i Chekhov: neochevidnyye smyslovyye struktury. Moskva: Izdatel'skiy Dom YASK, 2016. 336 s.
10. *Kibal'nik S.A.* Chekhov i russkaya klassika: problemy interteksta. SPb.: ID «Petropolis», 2015. 314 s.
11. *Kondratenko A.A.* Chernyy i belyy tsveta v slavyanskikh dokhristianskikh verovaniyakh o bozhestve smerti (k postanovke voprosa) // Nauka i obrazovaniye segodnya. 2019. №8 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chernyy-i-belyy-tsveta-v-slavyanskikh-dokhristianskikh-verovaniyah-o-bozhestve-smerti-k-postanovke-voprosa> (data obrashcheniya: 16.01.2025).
12. Kochubey // Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona: V 86 t. T. 16. SPb: Tip. Aktsionern. o-va Brokgauz – Yefron, 1895. S. 445–446.

13. *Koshelev V.A.* Oneginskiy «mif» v proze Chekhova // *Chekhoviana: Chekhov i Pushkin*. M.: Nauka, 1998. S. 147–154.
14. *Kubasov A.V.* Proza A.P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1998. 399 s.
15. *Kuzicheva A.P.* Pushkinskiye tsitaty v proizvedeniyakh Chekhova // *Chekhoviana: Chekhov i Pushkin*. M.: Nauka, 1998. S. 54–66.
16. *Lazarevskiy B.A.* A. P. Chekhov // A. P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov. M.: Khudozh. lit., 1986. S. 567–582.
17. *Litovchenko M.V.* Intertekstual'nyye aspekty povesti A.P. Chekhova «Ogni» i «Mednyy vsadnik» A.S. Pushkina // *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2007. № 2. S. 34–37.
18. *Litovchenko M.V.* Pushkinskaya traditsiya v proze A.P. Chekhova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2007. 23 s.
19. *Pasturo M.* Chernyy. Istoriya tsveta // *Per. s fr. N. Kulik*. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017, 186 s.
20. *Petrovskaya N.I.* Esteticheskiye funktsii pushkinskoy tsitaty v povesti A. P. Chekhova «Ogni» // *Chekhovskiye chteniya v Taganroge: 50 let: antologiya: v 2 ch. CH. 1. Taganrog: Izd-vo Taganrog. Gos. ped. in-ta imeni A.P. Chekhova*, 2013. S. 423–425.
21. *Pushkin A.S.* Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962–1965.
22. *Sukhikh I.N.* Problemy poetiki A. Chekhova. L.: Leningradskiy universitet, 1987. 185 c. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/kritika/suhik-problemy-poetiki-chehova/vvedenie.htm> (data obrashcheniya: 09.05.2025)
23. *Terskikh M.V.* Instrumenty intertekstual'nosti v diskurse sotsial'noy reklamy // *Nauchnyy dialog*. 2017. № 9. S. 69–80. DOI: 10.24224/2227-1295 2017-9-69-80.
24. *Fateyeva N.A.* Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti. M.: LIBROKOM, 2012. 280 s.
25. *Chekhov A.P.* Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. M.: Nauka, 1974-1983.
26. Chekhov i Dostoyevskiy. Po materialam Chetvertykh mezhdunarodnykh Skaftymovskikh chteniy (Saratov, 3-5 oktyabrya

- 2016 goda): sbornik nauchnykh rabot. Moskva: GTSTM im. A.A. Bakhrushina, 2017. 544 s.
27. Chekhov i Shekspir. Po materialam XXXVI-y mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Chekhovskiye chteniya v Yalte» (Yalta, 20-24 aprelya 2015 g.). M.: GTSTM im. A.A. Bakhrushina, 2016. 416 s.
28. Chekhoviana: Chekhov i Pushkin. Moskva: Nauka, 1998. 332 s.
29. Chekhoviana: Chekhov i Frantsiya. Moskva: Nauka, 1992. 280 s.
30. *Chzhen Ven'syuan'*. Rol' chernogo tsveta v russkoy, frantsuzskoy i kitayskoy mifologii i fol'klore: istoricheskiy aspekt // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. 2024. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-chernogo-tsveta-v-russkoy-frantsuzskoy-i-kitayskoy-mifologii-i-folklore-istoricheskiy-aspekt> (data obrashcheniya: 16.01.2025).
31. Yablokov Ye.A. «...Zasel u menya v golove etot rasskaz» («Chernyy monakh» v tvorchestve M. A. Bulgakova) // A.P. Chekhov i mirovaya kul'tura: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. Rostov n/D: NMTS «Logos», 2009. S. 5–2.

ՉԵԽՈՎԻ ԵՎ ՊՈԼՇԿԻՆԻ ՄԻՋԵՎ ԵՐԿԽՈՍՈՒԹՅՈՒՆ. ՄԻՋՏԵՔՍՏԱՅԻՆ ԱՍՊԵԿՏ

**Օ. Վ. ՍՊԱԶԻԼ
Վ. Վ. ԿԱՏԵՐՄԻՆԱ**

Կուրանի պետական համալսարան, Ռուսաստան

Հոդվածում ուսումնասիրվում է Ա.Պ. Չեխովի և Ա.Ս. Պոլշկինի միջև միջտեքստային երկխոսությունը՝ ընդգծելով Պոլշկինի մեջբերումների, հիշողությունների և մոտիվների դերը Չեխովի ստեղծագործություններում: «Սև վանականը», «Մենամարտը» և «Լույսերը» պատմվածքների միջոցով ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, թե ինչպես է Չեխովը վերափոխում Պոլշկինի պատկերները՝ հոգեբանական խորությունն ու փիլիսոփայական բարդությունը բարձրացնելու համար: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում

միջտեքստի գործառույթներին՝ իրոնիայից մինչև նոր իմաստների ստեղծում: Հոդվածում պնդվում է, որ Պուշկինի ակնարկները ընդլայնում են Չեխովի տեքստերի իմաստաբանությունը՝ դրանք կապելով ռուս դասականների ավանդույթների հետ: Աշխատանքը նպաստում է 19-րդ դարի գրականության մեջ շարունակականության ուսումնասիրությանը:

Բանալի բառեր՝ միջտեքստայինություն, Ա.Ս. Պուշկին, Ա.Պ. Չեխով, «Սև վանականը» պատմվածք, «Մենամարտ» վիպակ, «Լույսեր» պատմվածք:

DIALOGUE BETWEEN CHEKHOV AND PUSHKIN: INTERTEXTUAL ASPECT

O. V. SPACHIL,

V. V. KATERMINA

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

The article examines the intertextual dialogue between A.P. Chekhov and A.S. Pushkin, emphasizing the role of Pushkin's quotes, reminiscences and motifs in Chekhov's works. Using the stories "The Black Monk", "The Duel" and "Lights", the study demonstrates how Chekhov transforms Pushkin's images to enhance psychological depth and philosophical complexity. Particular attention is paid to the functions of intertext: from irony to generation of new meanings. The paper argues that Pushkin's allusions expand the semantics of Chekhov's texts, anchoring them with the traditions of Russian classics. The work contributes to the study of continuity in 19th-century literature.

Key words: intertextuality, A.S. Pushkin, A.P. Chekhov, story "The Black Monk", novella "Duel", novella "Lights"

Информация о статье: статья поступила в редакцию 19 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.